Камадо Кие всегда была простой, практичной женщиной. У нее были свои приоритеты: ее дети, ее муж, другие люди, она сама, ее дом, а затем все остальное.

Когда ее муж, Танджуро, скончался, она была рядом с ним. Он не проснулся, чтобы попрощаться с ней окончательно, он просто медленно перестал делать эти болезненные, хриплые вдохи. Они похоронили его рядом с родителями, и это почти убило ее, так быстро попрощавшись, но она обнаружила, что ее приоритеты в последующей жизни не сильно изменились.

Это было нелегко, но они справились и вошли в своего рода рутину, когда каждый из детей включался, когда и где должен был, обычно с запасом времени для игр после. Она безмерно гордилась ими. Даже маленький Рокута находил способы помочь. Часто его "помощь" больше мешала, чем помогала на самом деле, но он старался, и для нее этого было достаточно.

Все ее дети были трудолюбивыми (хотя некоторые больше других, она подумала о Такео, с любовью покачав головой), счастливыми и любимыми. Потеря отца оставила огромную дыру в их жизнях, но они продолжали жить. И она чувствовала себя такой счастливой, что у нее появились такие замечательные дети.

Затем Танджиро изменился.

За один день – даже за одну ночь.

День, когда он, наполовину спотыкаясь, наполовину выбежал из их дома в утренний снег без какой-либо зимней одежды. В своей пижаме….

И он вернулся таким другим. Разительный контраст между ее невинным, наивным, оптимистичным ребенком и вернувшимся закаленным воином… Он все еще был ее Танджиро, но в то же время им не был. Она знала это тогда, но прошедшие месяцы только подтвердили ее наблюдения. Она никогда бы не подумала, что ее сын с отвращением посмотрит на свои руки, как будто он может увидеть на них что-то, чего не видит никто другой…. кровь? Грязь? Когти? И то и другое?

Однако она никогда не могла заставить себя спросить. Это слишком сильно напомнило ей о… Когда ее отец вернулся с войны с Россией, у него был похожий вид ... и у него не хватало ноги. Иногда он просто смотрел на то место, где должна быть его нога, с какой–то тоской, которая, как она думала, изначально означала, что он хочет вернуть свою ногу - по ее мнению, это вполне объяснимо. Но позже, после его смерти, ее мать сказала ей, что все было сложнее. Временами ему казалось, что он отдал слишком мало. Как будто, возможно, если бы он пожертвовал большей частью себя, то больше его товарищей вернулось бы домой.

Она ненавидела видеть этот взгляд на нем, и еще больше ненавидела видеть его на своем сыне.

А потом были моменты, когда Танджиро просто смотрел на нее с самым страдальческим выражением лица. Она не была уверена, что именно в ней, казалось, причиняло ему такую боль. Когда он смотрел на своих братьев и сестер (когда он думал, что никто не смотрит, конечно), он просто казался грустным. Но было похоже, что что-то в ней причиняло ему физическую боль.

Она тоже это ненавидела.

Но он тоже не стал бы говорить с ней об этом. Да и вообще ни с кем.

Не так уж мало раз ей удавалось собрать волю в кулак, чтобы попробовать.

Кроме Незуко. Он поговорит с Незуко. Просто ... не о том, о чем ему, казалось, действительно нужно было говорить.

А в остальное время казалось, что кто-то взял личность ее Танджиро и усилил ее в десять раз. Из счастливого, довольного и оптимистичного он превратился практически в сияющего своей обычной улыбкой человека, взволнованно носящегося по дому или просто общающегося со своими братьями, сестрами и Урокудаки и смотрящего в будущее с какой-то отчаянной решимостью, граничащей с фанатизмом.

Нет, она подозревала, что это давным-давно перешло грань между фанатизмом и нормальностью. Вся его энергия и усилия, казалось, уходили либо на взаимодействие со своими братьями и сестрами, либо на тренировки, чтобы победить этого... Музана. И он, казалось, забыл, что больше не может обходиться без еды или сна

Это напугало ее, главным образом потому, что Танджиро никогда не был из тех, кто скрывает свои чувства. Он не скрывал своего сердца, и каждая проявленная им эмоция была настоящей. Каждая улыбка, каждый оскал, каждый вздох удовлетворения. Если раньше он был солнцем, освещающим их жизни, то сейчас он почти стал летним солнышком. Он был теплым, но теперь его тепло и свет выросли до такой степени, что пытались выжечь любую тьму из их жизней...

Он сжигал себя.

И это убьет его.

Она не могла не беспокоиться за него. Она также беспокоилась о влиянии, которое его новая личность оказала на его братьев и сестер. Незуко уже доводила себя до предела, чтобы освоить стиль водяного потока. Такео, настолько ленивый, насколько он мог быть, должен был заставить себя приступить к тренировкам и рутинной работе, но как только он начинал, он мог быть более интенсивным, чем Незуко - почти таким же интенсивным, как этот новый Танджиро, даже. Ханако уже начала спрашивать, когда она начнет тренироваться, как и Шигеру, и даже маленькому Рокуте нравилось брать палку и размахивать ею, как его братья и сестры деревянными мечами.

По словам Урокудаки, сама Кие добивалась большего прогресса, чем предполагала. Она может взбираться на гору только один или два раза в неделю, но она делала это каждую неделю и концентрировалась на своем дыхании всякий раз, когда могла. Однако она и близко не продвинулась так далеко, как ее дети, и знала, что, скорее всего, никогда не продвинется. Честно говоря, ее это устраивало, пока она могла хоть как-то защитить себя и своих детей.

Тем не менее, в отличие от своих детей, она знала, как напрячься, не перегибая палку дальше, чем могла выдержать. Она добилась некоторого успеха, вступив в игру с Незуко и Такео, но не с Танджиро. Она пыталась заставить его больше отдыхать, уговорила Незуко вмешаться, когда та могла, убедила его братьев и сестер попросить его не напрягаться так сильно, но тогда он просто направлял свою энергию на них и заставлял себя таким образом. В конце концов, она отправилась к Урокудаки. Она была одновременно более обеспокоена и испытала облегчение, когда узнала, что он, по-видимому, также пытался заставить его остановиться (или, по крайней мере, замедлиться). Казалось, ни того, ни другого было недостаточно.

Итак, вместе она и учитель составили планы, затем произошли непредвиденные обстоятельства, а именно они столкнулись с Танджиро. Они установили некоторые жесткие границы и ограничения на его обучение, оба они напоминали ему, что независимо от того, что

он помнил из своих других жизней, сейчас он причиняет себе вред, не отдыхая. Прямо сейчас он был человеком, и это включало физические недостатки. Тогда Урокудаки прямо сказал ему, что не допустит его к окончательному отбору, пока он не научится расслабляться и отдыхать. Как только ему удастся делать это достаточно часто, они разрешат ему стать охотником, только если он пообещает, что продолжит давать себе время на восстановление после того, как пройдет Окончательный отбор.

Это больше, чем что-либо другое, подействовало на него, и она, наконец, увидела улучшение в том, как он относился к себе.

Она могла только надеяться, что он сдержит свое обещание и продолжит заботиться о себе, когда станет истребителем демонов.

Что он перестанет наказывать себя.

Она напомнила ему, что он не может спасти всех, и что слишком усердные попытки только навредят (или даже убьют) его – и всех, кому он мог бы помочь Казалось, это тоже помогло ему.

Кие ненавидела возлагать так много на своего тринадцатилетнего сына. Сколько бы жизней он ни прожил, ему все еще было тринадцать. Сколько бы воспоминаний у него ни было, он так и не достиг 20-летнего возраста. Что бы еще он ни натворил…

Он все еще был просто Танджиро, маленьким мальчиком, который выпрашивал у нее рисовые крекеры, которому нравилось смотреть, как танцует его отец, и который прыгал на своего младшего брата, чтобы тот приложил ему по лбу горящим горшком…

Если кто-то и мог дать ей надежду на будущее, то это был бы он. У него были знания и понимание далеко за пределами его лет. У него были шрамы и травмы, которых не должно быть ни у кого в любом возрасте. Он был солнцем, пробивающимся сквозь облака, но временами и солнцем, опаляющим землю вокруг него.

И он был ее солнцем; ее сыном.

И она ненавидела отпускать его так скоро так же сильно, как ненавидела отпускать его отца. Но она знала, что должна была ... слишком рано, но это должно было случиться. И она могла быть благодарна, что осталась жива и была там, когда он ушел на Финальный отбор. Ей пришлось сдержаться, чтобы не выбежать ему навстречу, как только он вернулся, практически вприпрыжку и насвистывая песню, которую она никогда раньше не слышала.

Все подбежали, чтобы поприветствовать его (кроме Незуко, которая была на горе, и Урокудаки, который наблюдал издалека, хотя сейчас он выглядел гораздо более расслабленным, чем с тех пор, как ушел Танджиро), и, наконец, он добрался до Кие. Он улыбнулся ей, на нем не было ни царапины, и обнял ее. Она немедленно ответила на объятие и прижала его к себе, в ее глазах стояли слезы.

"Я дома, мама", - прошептал он.

"С возвращением, дорогой", - ответила она тем же тоном.

"Ты знаешь, я прошел".

У нее на мгновение перехватило дыхание, но затем она заставила себя расслабиться, подавляя

свое горе из-за того, что он вырос так быстро

"Я знаю".

Он откинулся назад и посмотрел на нее снизу вверх - когда он успел стать таким высоким?!

"Ты гордишься мной?" обеспокоенно спросил он. Должно быть, он почувствовал ее печаль (какая странная мысль, но к ней она странно привыкла).

Она вздохнула и провела рукой по его коротким волосам. "О, мой дорогой. Ты мог бы провалить все тесты в мире, а я все равно любила бы тебя. Но да, я горжусь тобой. Тебе никогда не придется сомневаться ни в том, ни в другом. Я просто ... - у нее снова перехватило дыхание, и ей пришлось остановить себя, чтобы не разрыдаться прямо здесь и сейчас. - Ты так молод. Он открыл рот, чтобы возразить, но она оборвала его. "Я знаю, у тебя за плечами несколько жизней, но, мой дорогой, твоему телу тринадцать. Я ... я хотела бы, чтобы ты всегда был со мной и в безопасности – это то, чего хотела бы любая хорошая мать для своего ребенка.

"Но я знаю, что это невозможно". Она достала маленький защитный амулет, который получила в ближайшем синтоистском храме. "Итак, вот твой подарок по случаю возвращения домой. Всякий раз, когда ты на него посмотришь, вспоминай меня – вспоминай нас всех и то, как сильно мы тебя любим. "

Он осторожно взял его и прижал к груди.

"Хай!" - сказал он, затем быстро привязал его к поясу вокруг талии.

"Что это, Нии-тян?" Спросил Шигеру.

"Можно мне посмотреть?" Вмешалась Ханако.

"Мне тоже! Мне тоже!" Рокута настаивал.

Ха... где был Такео? Кие огляделась и увидела, что Урокудаки практически тащит мальчика обратно на тренировку, а сам протягивает к ним руки. Хорошо, что он не мог плакать по требованию, иначе по его щекам потекли бы фальшивые слезы. Она нежно покачала головой и жестом показала ему идти со своим сенсеем.

"Итак, - сказала она, поворачиваясь обратно к своему старшему сыну, - заходи в дом и расскажи нам, как это было, пока я заканчиваю готовить ужин".

Он ухмыльнулся и посмотрел на своих братьев и сестру сверху вниз. "Кто еще хочет прийти послушать, как я расскажу об окончательном отборе?" спросил он.

"Я!" - приветствовали три молодых голоса.

Все они вошли внутрь, и Танджиро с удовольствием рассказал о своей прогулке, людях, которых он встретил, и окончании экзамена. Она заметила, что он редко говорил об убитых им демонах, за исключением того, что сражался с ними, победил и молился за них.

Она не была уверена, что думать о последнем. Демоны были злом, по словам Урокудаки, и все же Танджиро был одним из них и все еще сохранял свою собственную добрую природу. Они убивали и поедали людей, и все же он чувствовал жалость к ним и знал их бедственное положение. Они сражались и уничтожали; он защищал, отрубая им головы... но он молился за

них.

Она решила, что каждый раз, когда она будет молиться после этого, она будет вспоминать всех демонов, которые умерли в тот день.

Почему-то она подозревала, что мало кто еще это сделает.

Но она бы.

Для Танджиро.

XXX

Хаганезуке Хотару на самом деле не нравились ... люди.

Честно говоря, он людям тоже не очень нравился, поэтому он не видел особых причин пытаться что-то изменить, но его общая неприязнь переросла в откровенное отвращение, когда люди перенесли эту неприязнь на его мечи! Им не обязательно было любить его, чтобы оценить тонкое мастерство, которое сияло в его работе! На самом деле его не волновало, что он им не нравится, но им не нравились его мечи… они были невиновны во всем этом! И это были очень хорошие мечи. Он позаботился об этом.

Итак, когда охотники на демонов, как правило, просили других кузнецов меча, он чувствовал облегчение от того, что ему не приходилось иметь дело с такими идиотами, которые не могли увидеть или понять истинную красоту, когда они ее видели, но также и печаль от того, что… что ж, они не смогли увидеть истинную красоту, когда увидели ее. Отвергнуть его мечи было намного хуже, чем отвергнуть его самого.

Таким образом, он, как правило, делал клинки для новичков – людей, которые только что прошли Окончательный отбор. Человек с его талантами! Нечестно!

Каждый раз, когда он думал об этом, его кровь закипала.

И все же, каждый раз он не мог не надеяться, что это следующее яйцо будет одним из немногих хороших яиц в мире; что они увидят (и, возможно, даже начнут понимать), насколько удивительной была его работа! Или, по крайней мере, будут благодарны.

Но пока никто этого не сделал.

Тем не менее, он мог надеяться, предположил он.

Однако он не любил надеяться. Люди всегда разрушали его надежды.

Это была одна из причин, по которой он вообще не любил людей.

Тем не менее, он все еще жаждал создать меч, который позволил бы Истребителю демонов подняться по служебной лестнице и стать Столпом - быть причисленным к лучшим. Может быть, этот новичок был бы тем самым?

Затем он встретил упомянутого новичка и ... на самом деле не знал, что и думать. Мальчик был, за неимением лучшего слова, ярким. Такой яркий, что Хотару захотелось либо уклониться, либо напасть ... потому что никто настолько яркий никогда не был честным.

И все же мальчик был. Каким-то образом он мог бы высказать и это ... но он не знал, как еще

обращаться с этим мальчиком.

Или с его семьей.

(Хотару почти сразу решил, что ему не нравятся сопляки больше, чем люди. Они задавали вопросы, на которые он не хотел отвечать. И они даже не останавливались)

Тем не менее, у всех них где–то была какая-то красная окраска (в основном глаз), но мальчик, для которого он сделал меч - тот, с рыжими волосами и глазами – наверняка был тем, кто превратил произведение искусства Хотару в желанный красный клинок…

Но он было черным.

Впечатление, прямо противоположное тому, которое производил мальчик.

И вообще не красный.

Нет.

НЕ КРАСНЫЙ.

Просто еще одно разочарование. Он должен был знать. И ... возможно, он отреагировал не лучшим образом, набросившись на мальчика вот так. Это не означало, что его сестра и брат должны были напасть на него! А затем встали между ним и мальчиком… что только еще больше расстроило его.

После нескольких довольно громких споров, нескольких злобных взглядов и попытки убийцы демонов, которому он отдал клинок в качестве посредника (кто когда-нибудь слышал о посредничестве истребителя демонов раньше ?!), все, наконец, снова успокоились.

Затем парень сказал что-то о солнечном дыхании, и именно поэтому его клинок был черным и ... честно говоря, Хотару к тому моменту уже было достаточно. Было ли солнечное дыхание вообще формой? Разве это не должно быть каким-то производным от огня? Почему он был здесь с учителем воды?

Он сомневался , что мальчик доберется до Столпа…

Еще одно разочарование. По крайней мере, мальчик все еще благодарил его за меч, так что это не полное разочарование...

И все же…

Он остановился на дороге, ведущей в его деревню, чтобы оглянуться через плечо на место жительства Урокудаки Саконджи. По крайней мере, двое из этих детей тренировались.… возможно, они создадут красные клинки?

И если он взялся за эти клинки сейчас, то действительно не торопился их затачивать…

ДА…

Да, это может сработать.

И это дало бы ему повод не взаимодействовать ни с кем, кто не был настоящим фехтовальщиком!

С новыми надеждами он ускорил шаг и поспешил домой.

В конце концов, у него были прекрасные, идеальные мечи для изготовления.

XXX

У Незуко не часто были возможности поговорить со своим братом с тех пор, как он вернулся с Финального отбора, она обязательно отводила его в сторону и настаивала на разговоре с ним. Она спросила его, как у него дела, и он заверил ее, что с ним все было в порядке ... и все же...

"Танджиро", - тихо сказала она, - "Я знаю, что Каа-сан говорил с тобой, но... Я беспокоюсь. Ты собираешься пойти и убивать демонов ".

Он вздохнул. "Да,... Это так. Хотя, честно говоря, даже будучи демоном, я убивал других демонов. Обычно находил клинок ничирин - их, к сожалению, не так уж трудно достать, если знаешь, где искать, - он сделал паузу, и на его лице появилось то печальное выражение, которое она ненавидела видеть на нем. Но затем он покачал головой, и улыбка вернулась.

Это не сильно успокоило Незуко.

Она хотела бы пойти с ним.

Так плохо.

"В любом случае, это приносит им больше покоя, чем ты можешь себе представить. Мне нравится использовать "Нежный дождь",. Это быстро и безболезненно и ..." Он... Он глубоко вздохнул. "Я знаю, что они совершали ужасные вещи. Я знаю, что их нужно остановить. Но... нередко в этом нет их вины. У них появились новые инстинкты, и мало кто помнит причину бороться с ними. И даже ты и я ... в первый раз, когда мы... мы оба были обращены ... " он замолчал, глядя вниз.

Незуко почувствовала тошноту. Сама мысль о том, что ее обратили, скрутила ее желудок в узел. Мысль о том, что Танджиро был обращен, сделала ее еще больнее. Что он был Растущей Луной ... Она спросила Урокудаки-сенсея о них и...

И она знала, что Танджиро пришлось пережить худшее, чем она могла себе представить.

Она ненавидела то, что ее брат, казалось, скрывал это ... тем не менее, чтобы защитить их. У нее было чувство, что со временем это будет становиться все труднее и что в конечном итоге защищать их тоже будет сложнее....

Итак, ей придеться стать хорошей истребительницей демонов, прежде чем это случится... чтобы он доверял ей.

Либо так, либо заставляй его говорить об этом время от времени. Даже если ему это причиняет боль....

Но только тогда , когда он был готов поделиться этим...

Но он ушел бы ... и...

Она действительно ненавидела всю эту ситуацию. Почему Музан просто не мог оставить их одних на их горе? Они бы не выросли, научившись сражаться на мечах. Они бы просто... жили ...

Больше всего на свете она хотела заставить его пожалеть об этой ошибке. Кроме защиты своей семьи....

"Демоны ..." Танджиро медленно продолжил: "Люди превращаются в них"... это худшая часть. Чаще всего кажется, что лучшая часть их просто исчезает – все эти воспоминания. Мне потребовалось ... слишком много раз, чтобы научиться сопротивляться этому. И мой метод проб и ошибок - не совсем то, что могут использовать другие демоны. "

Нет, она предполагала, что это не так.

"Потерять воспоминания... это хуже, чем быть настолько фундаментально измененным. Твои воспоминания делают тебя тем, кто ты есть ... и Музан забирает это ..."

Он стиснул зубы и отвел взгляд.

Незуко решительно наклонилась и схватила его за руку, крепко сжимая ее. "Мы доберемся до него, Братик. На этот раз... Я уверена в этом!"

Танджиро опустил взгляд на их руки, моргая, прежде чем снова поднять на нее глаза с мягкой, теплой улыбкой, которую он так редко показывал в эти дни. Затем он протянул руку и погладил ее по волосам. Она вскрикнула и уставилась на него. Он просто улыбнулся.

"Да. Мы сделаем это".

"Просто ... не рискуй", - настаивала она. "Предположим, что он охотится за нами – за тобой. Будь осторожен, Братик ... и," она сделала паузу, прикусив губу. "Возвращайся домой, Братик. Твоя потеря причинила бы нам такую же боль, как наша потеря причинила бы боль тебе".

Несколько секунд он просто смотрел на нее, но затем потянулся вперед и притянул ее в объятия.

"Никогда не меняйся, Незуко. И я обещаю, что буду настолько осторожен, насколько смогу, и вернусь домой ".

Она вцепилась в его хаори – типичное черно-зеленое в клетку, а не синее, которое подарил ему Урокудаки-сенсей. Оно пахло им – безопасностью.

"Я люблю тебя, Нии-тян", - прошептала она.

"Я тоже люблю тебя, Имото-тян", - сказал он в ответ.

Они просто сидели там неопределенное количество времени, прежде чем он, наконец, отошел, выглядя более умиротворенным, чем она видела его с того дня.

"Я должен идти", - сказал он.

"Навещай меня почаще", - сказала она.

Он улыбнулся. "Я сделаю все, что в моих силах".

Она нахмурилась, но поняла, что это лучшее, что она может от него добиться, прежде чем кивнуть.

"Я собираюсь пойти тренироваться. Попрощайся со всеми остальными, прежде чем уйдешь".

Он усмехнулся. "Конечно. Усердно тренируйся, Незуко".

Она твердо кивнула. "Прощай, Братик!"

С этими словами она повернулась и направилась на тренировочную площадку за домом, чтобы попрактиковаться в замахах, поскольку она только что спустилась с горы. У нее это получалось быстрее, даже если ловушки в последнее время стали более смертоносными.

Ей пришлось заставить себя выйти и попрощаться со своим братишкой.

Потому что они были семьей. И так же, как он никогда бы их не бросил, они хотели поддержать его…

Вот что делает настоящая семья.

http://tl.rulate.ru/book/88542/3979000